

Соловьев Всеволод Сергеевич

**Рассказы и очерки Всеволода
Соловьева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Рассказы и очерки Всеволода Соловьева / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 481 с.

ISBN 978-5-519-74706-6

Содержание: I. Старые были. II. Святочные рассказы. III. Кавказские легенды. IV.
Очерки и воспоминания. V. Большой человек,

ISBN 978-5-519-74706-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Старья бымы. 1—230.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Нежданное богатство	21
Монахъ по неволѣ	97
Двѣ жертвы	151

II.

Святочныя разсказы. 231—346.

Приключеніе моего доктора	233
Двойное привидѣніе . :	263
Во снѣ и на яву	289
Персъ изъ Индіи	311
Откуда	339

III.

Кавказскія легенды. 347—402.

Старый Гудъ	349
Страшный долгъ	371
Бессо-безумный	387

IV.

Очерки и воспоминанія. 403—473.

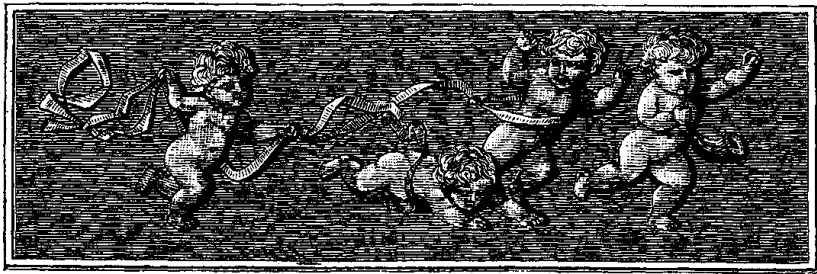
Картинка вѣнской жизни. (*Изъ писемъ о Западной Европѣ*) 403

Большой человекъ. (*Изъ моихъ воспоминаній*). . 421

I.

СТАРЫЯ БЫЛИ.

Предисловіе.

Одно изъ лучшихъ воспоминаній моего дѣтства — воскресенье. Начать съ того, что въ этотъ день я не долженъ былъ рано вставать и садиться за повтореніе уроковъ, очень часто плохо приготовленныхъ съ вечера. Я могъ подремать лишній часъ-другой—и въ этой утренней дремотѣ являлись всегда такіи радужныя и блаженныя видѣнія.

Потомъ мало-по-малу видѣнія эти блѣднѣли, все больше и больше перепутываясь съ окружавшей обстановкой и, наконецъ, совсѣмъ переходили въ дѣйствительность. Я раскрывалъ глаза, выглядывалъ изъ-за полога моей кровати, вспоминалъ, что сегодня воскресенье—и радостное, широкое чувство наполняло меня.

Я снова скрывался за занавѣской и наблюдалъ:

наша крѣпостная няня, Анна Тимофеевна, только что вынула изъ кровати моего младшаго брата и съ хорошо знакомымъ мнѣ хохлацкимъ ворчаніемъ (она была изъ Малороссіи) натягивала чулки на его маленькія толстыя ноги. Онъ барахтался, брыкался, и, очевидно, никакъ не могъ совсѣмъ разгуляться; большіе сѣрые глаза его то раскрывались во всю ширину, то опять смыкались; выраженіе круглой какъ шарикъ мордочки было самое уморительное.

Хорошенькая нянина дочка, Ариша, въ дальнемъ углу нашей большой дѣтской умывала черненькую, худенькую сестру мою; а другая сестра, толстая, бѣлая, румяная дѣвочка, стояла уже совсѣмъ готовая, въ пышно накрахмаленныхъ юбкахъ, въ нарядномъ платьѣ, и тщательно и кокетливо причесывала передъ зеркаломъ свои бѣлокурые волосы.

Насмотрѣвшись на все это и чувствуя съ каждой секундой возростающій приливъ радости и любви ко всѣмъ и ко всему, я вскакивалъ съ кровати, не дожидаясь няни начинать самъ поспѣшно одѣваться, переговариваясь и пересмѣливаясь съ сестрами и братомъ.

Вотъ и я готовъ, и спѣшу въ столовую, гдѣ за чаемъ, очевидно уже давно, сидятъ отецъ и мать. Крѣпко и громко цѣлую я бѣлую и нѣжную руку отца. Спокойный взглядъ его ясныхъ голубыхъ глазъ нѣсколько сдерживаетъ мою рѣзвость, но на губахъ его я подмѣчаю добродушную улыбку. Онъ слегка хлопаетъ меня по плечу, а потомъ поднимается съ кресла и надѣваетъ очки въ золотой оправѣ, — признавъ, что сейчасъ выйдетъ изъ дому.

Я подбѣгаю къ матери и начинаю цѣловать ее

въ руки, губы, глаза; она говоритъ что-то о томъ, что я растреплю ее и сомну, но въ то же время сама крѣпко обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Я замѣчаю на блестящихъ черныхъ волосахъ ея нарядную на-
колку, замѣчаю ея шелковое, стальнаго цвѣта, въ
розовыхъ букетахъ платье и накиннутую поверхъ него
мѣховую мантилью.

— Что это, какъ дѣти запаздываютъ,—вѣдь ужъ
пора бы вамъ и ѣхать!? обращается къ матери отецъ,
беретъ шляпу и уходитъ.

Мы быстро выпиваемъ свой чай, молоко, съѣдаемъ
булки и бѣжимъ вслѣдъ за матерью въ переднюю.

Та же няня Анна, та же Ариша и лакей Николай,
въ сѣрой ливреѣ съ собачьимъ воротникомъ, закуты-
ваютъ насъ въ зимніе кафтанчики и салопчики. Какъ-
то особенно весело распахиваются двери; себя не
помня мы слетаемъ съ лѣстницы.

У подъѣзда дожидается наша просторная низень-
кая карета, внутри обитая яркожелтымъ бархатомъ,
съ возелъ которой, ласково ухмыляясь и подмигивая,
глядитъ на насъ, и въ особенности на меня, другой
Николай, нашъ кучеръ, закадычный мой другъ и
пріятель. Я отвѣчаю ему такими же улыбками и под-
мигиваніями, и въ то время какъ усаживаются мать
сестры, въ то время какъ лакей на рукахъ подноситъ
къ каретѣ маленькаго брата, я сосредоточиваю все
свое вниманіе на лошадяхъ—на Копчикѣ и Пайкѣ;
изъ которыхъ послѣдній, несмотря на свое прозвище,
ведетъ себя неособенно прилично. Онъ все какъ-то
дергается и то силится приподняться на дыбы, то тя-
нется укусить за ухо товарища.

— Шалишь! отрываясь отъ перемигиванія со мною,

грознымъ голосомъ восклицаетъ Николай и бьетъ его возжею.

Пайка успокаивается, лакей подсаживаетъ меня въ карету, захлопываетъ дверцы и, подобравъ полы своей длинной ливреи, вскакиваетъ на козлы. Слышится веселый скрипъ колесъ по твердому снѣгу, лошади трогаются—мы ѣдемъ въ церковь.

Обѣдня уже началась. Отецъ, пріѣхавшій гораздо раньше насъ, стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у клироса; на лицѣ его благоговѣйное вниманіе, время отъ времени онъ закрываетъ глаза и медленно крестится. Сначала я стараюсь подражать ему, тоже вслѣдъ за нимъ закрываю глаза и крещусь, повторяю про себя то, что говорится и поется.

Но скоро вниманіе мое начинаетъ развлекаться, слова священнослужителей и хора исчезаютъ, не достигая моего слуха; я разглядываю знакомые лики иконостаса, потомъ переношу свои наблюденія на окружающихъ меня, попреимуществу дамъ и дѣтей, и стараюсь угадать, что въ эту минуту думаетъ вотъ этотъ прилизанный, затянутый въ гимвазическій мундиръ мальчикъ, вотъ эта завитая нарядная дѣвочка, которая то и дѣло смотритъ на кончики своихъ свѣтлосѣрыхъ ботинокъ, вотъ эта толстая дама, занявшая своимъ кринолиномъ чуть не квадратную сажень.

Наконецъ, я обращаю вниманіе на стоящаго передо мною младшаго брата и начинаю дуть ему въ маковку. Онъ оборачивается ко мнѣ, улыбается, а потомъ вдругъ опускается на колѣни на коврикъ. Но я хорошо вижу, что онъ всталъ вовсе не на колѣни, не для того, чтобы молиться,—а присѣлъ отъ усталости

и черезъ минуту даже покачнулся и совсѣмъ задремалъ. Я тихонько подталкиваю его сзади—онъ вскакиваетъ и начинаетъ креститься.

Я стараюсь снова сосредоточить все вниманіе на службѣ и въ то же время чувствую въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ не то усталость, не то томленіе—хочется походить, немного размяться; кажется, что обѣдня какъ-то особенно на этотъ разъ тянется. Я опять отвлекаюсь, ухожу въ свои мысли, а мысли перескакиваютъ съ одного предмета на другой, перегоняютъ другъ друга, мелькаютъ отрывочно, беспорядочно. Я едва поспѣваю за этой бѣготней ихъ, совсѣмъ ужъ не сознаю окружающаго, и только прикосновеніе матери заставляетъ меня очнуться.

„Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго...“ раздается по церкви. Томленья и усталости—какъ не бывало. Бодро и радостно прикладываюсь я ко кресту и выхожу вслѣдъ за своими.

Мы отправляемся къ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; я совсѣмъ позабылъ многія мѣстности, многіе дома, въ которыхъ проводилъ и веселыя и скучныя минуты своей жизни; но каждый малѣйшій завитокъ на обояхъ дѣдушкина дома, каждый узоръ тюлевыхъ занавѣсокъ на его окнахъ—мнѣ памятенъ.

Это былъ такой домъ, какихъ теперь мнѣ ужъ никогда не приходится видѣть. Онъ былъ далеко не обширенъ и крайне простъ въ своемъ убранствѣ. Вся прелесть его заключалась главнымъ образомъ въ необыкновенной чистотѣ и какомъ-то странномъ, никогда потомъ не слыханномъ мною, ароматѣ, носившемся по всѣмъ его комнатамъ.

Полы всюду были некрашеные, но гладкіе и блестящіе какъ слоновою кость; веселенькіе обои съ кой-гдѣ развѣшанными портретами и старинными гравюрами; по угламъ большія иконы съ зажженными лампадками; въ залѣ красныя кумачныя шторы, старыя зеркала съ массивными подзеркальниками краснаго дерева, такіе же массивные ломберные столы и рядъ стульевъ съ прямыми квадратными спинками, съ мягкими красными подушками, привязанными къ ихъ сидѣньямъ.

Въ гостиной опять тяжеловѣсная неуклюжая мебель краснаго дерева съ голубой обивкой бѣлыми разводами, подъ овальнымъ столомъ большой коверъ работы прабабушки; у оконъ зеленые горки со всевозможными цвѣтами и растеніями, изъ которыхъ особенно я помню одно: внутренняя сторона листьевъ была яркокрасная, наружная — блѣднозеленая съ разсыпанными по ней совершенно серебряными правильными кружечками.

Столовая была не велика и вовсе не приспособлена къ большимъ и параднымъ обѣдамъ; но это была самая милая комната въ домѣ, потому что въ ней уничтожались такія кулебяки и прочія кушанья, какими потомъ меня ужъ нигдѣ и никогда не кормили. Бабушка была величайшая мастерица во всѣхъ дѣлахъ хозяйственныхъ, а дѣдушка былъ такой человѣкъ, о которомъ начать рѣчь слѣдовало бы вовсе не по поводу кулебякъ; но если ужъ такъ пришлось, то бѣда не велика, тѣмъ болѣе, что до кулебякъ и вообще вкусныхъ обѣдовъ онъ былъ охотникъ, хотя никогда не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ.

Дѣдушку въ свое время знали въ Москвѣ очень